

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ (на материале романа Т. Манна "Доктор Фаустус")

THE MEANINGS-FORMING POTENTIAL
OF THE GERMAN PRECEDENT TEXTS
(on the material of the roman
by T. Mann "Doctor Faustus")

*Anna-Maria Arias
T. Ivanchenko*

Annotation

This article is about textual openness and intertextuality as a way of formation of the new texts meanings. In the article is analyzed the role of precedent phenomena from German linguoculture in the formally and meanings structure of the roman by T. Mann "Doctor Faustus" and given the examples of the realization intertextual dialog. The main accent lies on the interaction of the authors and readers consciousness.

Keywords: precedent text, intertextuality, intertextual signals, markers of intertext interaction, textual openness, the interaction of the author and recipient.

Ариас Анна-Мария

К.филол.н., доцент,

*Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики*

Иванченко Татьяна Анатольевна

К.филол.н., доцент,

*Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики*

Аннотация

Данная статья посвящена вопросу текстовой открытости, явлению интертекстуальности как способу построения новых текстовых смыслов. В статье анализируется роль прецедентных феноменов из немецкоязычной лингвокультуры в формально-содержательной структуре романа Т. Манна "Доктор Фаустус" и приводятся примеры реализации собственно межтекстового диалога. Основной акцент анализа делается на взаимодействии авторского и читательского сознания.

Ключевые слова:

Прецедентный текст, интертекстуальность, интертекстуальные сигналы, маркеры межтекстового взаимодействия, текстовая открытость, взаимодействие автора и реципиента.

С амо понятие и термин "прецедентный текст" были впервые введены в научную практику академиком Ю.Н. Карауловым в докладе "Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности" на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году. Прецедентными он называет тексты, "хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности" [3, 115].

К настоящему времени отечественными исследователями выделена основная теоретическая категория в прецедентном тексте – понятие прецедентных феноменов, по поводу которых, однако, нет пока единства во мнениях. Прецедентный феномен – в широком смысле – текст, цитата, отрывок текста, пословица, часто употребляемые и имеющие для группы людей культурное, познавательное или эмоциональное значение. Ю.Е. Прохоров называет прецедентный феномен базовым, стереотипным ядром знаний на уровне этнической культуры, а не

культуры отдельной личности. [5, 151]

В работе Д.Б. Гудкова [1] прецедентные феномены рассматриваются как эталоны национальной культуры, которые, с одной стороны, отражают, а с другой, – задают определенную ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется или запрещается следовать. Г.Г. Слышкин понимает под "прецедентным текстом" "любую, характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной группы" [6, 59].

Так или иначе, во главу угла исследователями ставится вопрос о текстовой открытости, которая имеет прямое отношение к категории интертекстуальности и демонстрирует диалогическое взаимодействие одного текста с другими. Интертекстуальность, выраженная через соотношенность одного текста с другим/–ими, выступает в таком понимании как способ содержательного и формального смыслопостроения, как смыслообразующая стратегия.

Безусловно, текстовая соотнесенность становится наиболее распознаваемой, если речь идет о фрагментах национально-прецедентного или универсально-прецедентного текста. К числу ярких проявлений межтекстового диалога, несомненно, относится роман Т. Манна "Доктор Фаустус" (1947). Этот роман позволяет прагматически трактовать интертекстуальность как способ, "которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел" [7, 179]. Интертекстуальность позволяет считать текст открытым, и через вкрапления "чужих" текстов возникают "живые" отношения, диалог с претекстом /–ами.

Интертекстуальные связи романа Т. Манна выстраиваются в "вертикальную проекцию" по М. Пфистеру [8] и позволяют проследить продолжение культурного диалога на тему сделки человека с силами тьмы и "считывать" в романе следы присутствия прецедентного текста Гете (а еще прежде – средневековой Народной книги о докторе Фаусте). В этом отношении можно говорить о маркированной интертекстуальности, при которой автор намеренно включает в произведение фрагменты иных текстов, а адресат, в свою очередь, расшифровывает и верно интерпретирует авторский замысел, распознавая диалогическую соотнесенность текстов. Тогда отсылки к чужому смыслу, к прецедентным текстам должны представлять маркированную систему сигналов, концентрирующих внимание и когнитивные усилия читателя на их распознавание.

Проанализируем сказанное на материале романа. Текст романа изобилует как имплицитными, так и эксплицитными интертекстуальными маркерами, дающими широкое интерпретационное поле для адресата.

В целом, в романе "Доктор Фаустус" можно выделить следующие основные группы предшествующих текстов, с которыми возникают интертекстуальные переключки:

1. мифологические, связанные с немецкой народной легендой о Фаусте;
2. литературные, связанные с литературными обработками легенды в немецкой и в целом в мировой литературе.

Авторская стратегия смыслопостроения романа через отсылку к прецедентным текстам начинается с заголовка "Доктор Фаустус", с которого начинается переключка с трагедией "Фауст" Гете. Заголовок романа маркирует один из основных прецедентных феноменов, антропологический, связанный с главным героем и его прецедентным именем – Фауст. Во всех претекстах антропоним "Фауст" постоянен, но в романе Манн изменяет его на "Фаустус". Изменение имени в заголовке романа сигнализирует о появлении новых свойств антропонима, с чем будут связаны и изменения в сюжете. Герой Манна, Адриан Леверкюн соотносится с благородной интеллек-

туальной натурой гетевского Фауста гораздо в большей мере, чем с Фаустом из Народной книги, заключающем сделку исключительно ради своих эгоистических интересов. Мотив творчества, гениальной музыкальной одаренности героя введен только Т. Манном. В интертекстуальном пространстве, включающем предшествующие разработки темы Фауста, Адриан относится к "фаустовским натурам" – одаренным, творческим, ищущим, разочарованным и неуспокоенным. Он не повторяет в точности прецедентный образ ни народного Фауста, ни доктора Фауста Гете. Но мотив разочарованности и богоотступничества перекликается с обоими претекстами. Фаустус-гений музыки, заключивший сделку с силами тьмы ради возможности творить. Автор создает образ нового Фауста, который продает душу за творчество, но сделка напрасна, так как его творения мертвы. Это трагедия художника, вписанная в трагическую ситуацию эпохи. Как следствие, тема творчества акцентирована и передана определенным набором постоянных лексем: "das Werk, schaffen, der Kunstler" и т.д.

Следующий прецедентный феномен – сама ситуация заключения договора с силами разрушения присутствует во всех обработках сюжета о Фаусте. Если есть Фауст, то неизбежно должен появиться искуситель. Как и в предшествующих текстах возникает вопрос об имени прецедентного героя, об имени этого "антропонима" – искусителя. Но фантом имя не стремится открыть. Фауст Гете вторит заклинание и заставляет это сделать, после этого гость называет себя описательно: "Я часть той силы..." Прячет свое имя в многословном рассуждении и гость Адриана. Гость не хочет давать в руки искушаемого человека власть над собой – в примитивных культурах значущий имя обладает властью над носителем. Узнав имя Мефистофеля, Фауст Гете сделал его своим слугой, а в финале одержал победу над силами разрушения.

У Т. Манна Адриан принимает условия договора, после чего он становится вместилищем идеи разрушения. Очень сложным путем эта идея начинает воцаряться в мире, приходя из музыки, которую сочиняет и озвучивает Леверкюн. И чем более виртуозно его мастерство, тем хуже – в мире воцарится разрушение.

Увлечение Адриана Леверкюна математикой составляет еще один сквозной мотив в романе. Математика связана с пифагорейским учением о гармонии сфер. По учению пифагорейцев, понятие числа связано с актом творения. Вспомним число дарованных для творчества лет в романе – 24, из них к моменту сделки четыре года уже прошли. Оба эти числа – четные. К моменту расплаты герою 44 года. Так же будет и в Народной книге о Фаусте. В романе внешняя картина мира – жизнь композитора и музыканта, рассказанная его другом. Внутренняя же картина – эпоха перелома, когда сменяются парадигмы, разрушаются незыблемые понятия, трансформируется

этические категории. При чем ломка более всего касается музыки как высшего искусства, имеющего отношение к гармонии сфер.

Последняя прецедентная ситуация в романе "Доктор Фаустус" – финал, когда заканчивается время творчества гения, определенное дьявольскими песочными часами. Как и в Народной книге, герой созывает учеников и дает им наставления. Здесь читательское сознание должно распознать Библейскую сцену в Гефсиманском саду. Трагедия Гете в финале не фигурирует, так как дается иное решение темы Фауста.

Систематизируя интертекстуальные вкрапления в романе, можно заключить следующее: Народная книга больше повлияла на сюжетные ситуации, а образ Фауста у Гете – на прецедентный характер героя Адриана Леверкюна. Фауст – во всех версиях этого образа – активная, бунтарская и действенная натура. "Новый Фауст", созданный Т. Манном, тоже активен, но не в сфере реальной жизни, а в сфере теории музыки. Высокий духовный облик гения музыки, отсутствие в нем честолюбивых стремлений прославиться, достичь ценой сделки чего-либо лично для себя – сближает его с благородным Фаустом Гете.

Сцена-обещание Адриана в диалоге с Цейтбломом разрушить музыку Бетховена является прецедентной не по причине сходства с каким-либо из предшествующих текстов о Фаусте, а по причине дискуссии с одним из них – трагедией Гете.

Если герой Гете становится благодетелем человечества, то Леверкюн – разрушителем гуманизма:

- *Ich habe gefunden, - sagte er. Es soll nicht sein.*

- *Was, Adrian, soll nicht sein?*

- *Das Gute und Edle, - antwortete er mir, was man das Menschliche nennt. Um das die Menschen gekämpft, wofür sie Zwingburgen gesturmt, und das die Erfüllten Jubelnd verkündigt haben, das soll nicht sein. Es wird zuruckgenommen. Ich will es zurucknehmen.*

- *Ich verstehe dich, Lieber, nicht ganz. Was willst du zurucknehmen?*

- *Die Neunte Symphonie, - erwiderte er. Und dann kam nicht mehr, wie ich auch wartete.*

- *Я понял, этого быть не должно.*

- *Чего, Адриан, не должно быть?*

- *Благого и благородного, - отвечал он, - того, что зовется человеческим, хотя оно благо и благородно. Того, за что боролась люди, во имя чего штурмовали бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого быть не должно, оно будет отнято. Я его отниму.*

- *Я не совсем тебя понимаю, дорогой, что ты хочешь отнять?*

- *Девятую симфонию, - отвечал он. И к этому, сколько я ни ждал, уже ничего не прибавил.*

В свою очередь, переключка с Народной книгой Шписа более всего акцентирована, во-первых, в теме разочарования, богоотступничества и одиночества нового Фауста (XIV–XV главы). Как и народный Фауст, он сначала изучает богословие, потом отказывается от него. Во-вторых, тема искушения любовью (XVI–XVII главы). И, наконец, обыгранная ситуация заключения сделки – ее время и место. При этом обстановка заключения сделки в романе иная. Манн применяет прием зеркального отображения прецедента – он не тот, но слова искушителя показывают, что он просто не считает нужным повторить прецедент, хотя и знает его.

В романе присутствует еще целый ряд интертекстуальных переключек с Народной книгой: цитатный фон романа, который надо "заметить", он может быть дан косвенно, намеком, расценивается как один из его лейтмотивов, затем сквозные мотивы – концепты, имеющие прецедентный характер. Концепты душевного холода и времени, связанные с символикой холода физического (антитеза аду) и песочных часов, присутствуют в Народной книге Шписа о Фаусте и акцентированы в центральной прецедентной ситуации романа – сцене договора Фаустуса с "Другим" (искусителем) в XXV главе, через весь текст романа до финала: *die Schweißtropfen haben ja diese Kalte / холодная бледность, а на лбу выступают холодные капли пота. Das Hauptweh kam nie von Ermüdung durch Muhe, es kam von Ueberdruss, von kalten Langerweile / голова у меня никогда не болела от утомления усилием, только от тоски, от леденящей скуки.*

В XV главе есть цитата почти дословная из Народной книги о Фаусте: *hab ich gehalten... und liess nigromantia, carmina, incantatio, veneficium und wie sonst Worter und Namen genannt warden mogen, all mein Sach und Verlangen sein / У Фауста был быстрый ум, прекрасная память и способности к наукам, в то же время, вздорная и высокомерная голова, поэтому он вскоре отходит от Божественного Писания и начинает заниматься астрологией, математикой, хиромантией, нигромантией, приговлением колдовских смесей.*

Посетитель упоминает именно Народную книгу о Фаусте: *"Zwischen uns brauchts keinen vierigen Wegscheid im Spesser Wald und keine Girkel..." / "Между нами не нужны – ни перекресток, ни Шпессеровский лес", он иронично подчеркивает свою любовь к немецкому языку – истоки легенды о сделке лежат именно в немецком фольклоре. Ирония его направлена и в адрес обязательности определенного антуража сделки.*

Следует обратить внимание на название музыкального завещания Леверкюна "Doktor Faustus Weheklag" / "Плач доктора Фаустуса", которое содержит акцент на Народную Книгу, где Фауст в отчаянии "рыдает, стонет, жалуется".

Суммировать сказанное можно следующими словами: "Использование прецедентных феноменов является одним из способов реализации тенденции к интеллектуализации текста... Прецедентные тексты не только сохраняют культурно значимую информацию, накопленную языковым коллективом, но и усложняют текст, раздвигая его границы и создавая "вертикальный текст", вплетают текст в ткань общей культуры" [2, 3–4]. Иными словами, система интертекстуальных маркеров в вертикальной проекции выводит на первый план их смыслообразующий потенциал, делает видимым открытость текста через его диалог с другими текстами или их фрагментами, создавая новые смыслы в процессе текстопрождения. По сути, через эту систему маркируется авторская интенция.

Система интертекстуальных маркеров в "горизонтальной проекции" означает взаимодействие двух сознаний: авторского и воспринимающего. Ср.: "Прецедентный текст усложняет содержание и восприятие текста, но в итоге, приложив некоторые интеллектуальные усилия, читатель получает удовольствие от того, что ему становится понятен замысел автора" [2, 3]. Речь идет о интертекстуальной компетенции читателя, то есть о наличии определенного фонда знаний у реципиента, позволяющего адекватное декодирование смысла текста. Именно сознание реципиента, расшифровывая интертекстуальные сигналы, присваивает им смыслообразующую значимость. И именно поэтому автор должен маркировать свою систему интертекстуальных включений, чтобы сделать видимым читателю свой замысел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., Гнозис, 2003. С.115–119.
2. Дралалюк А.С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста: автореф. дисс ... к.ф.н. Саратов, 2010. 21 с.
3. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных феноменов в структуре и функционировании языковой личности//Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. М., 1986. С.105–126.
4. Микушевич В.Б. Проблема цитаты ("Доктор Фаустус" Т. Манна по-немецки и по-русски) // Мастерство перевода. Сб. статей, 1966. Вып. 5
5. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.,1996. С. 151–165.
6. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе/ Г.Г.Слышкин.–М., Academia. 2000. С.56–65.
7. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 245 с.
8. Pfister M. Konzepte der Intertextualität/Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen: Niemeyer, 1985. S.1–30.

© Ариас Анна-Мария, Т.А. Иванченко, (anmar-74@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики